

БЕРГЕР П.Л. ПРИГЛАШЕНИЕ В СОЦИОЛОГИЮ: ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА / ПЕР. С АНГЛ. О.А.ОБЕРЕМКО. М.: АСПЕКТ-ПРЕСС, 1996.

Сложность рецензирования книги П.Л.Бергера связана как с тем, что она написана мэтром социологии, так и с популярностью, которую она сохраняет почти два десятилетия со времени выхода в свет (1969 г.), выдержав множество изданий, в том числе переводных. Кроме того, жанр, в котором выполнена работа, несколько необычен. По сути, в книге Бергера две составляющие: теоретико-методологическая и дидактико-мировоззренческая. Это создает тематический диапазон, включающий, помимо содержательных проблем социологической теории, вопросы институционального статуса социологии как рода интеллектуальной деятельности, отношения к этике и идеологии. Социология "als Beruf" в истинно веберовском значении — так можно охарактеризовать общую тональность книги.

Автор отмечает, что "Приглашение в социологию" — не учебник. Это верно лишь отчасти, в той мере, в какой работа включает в себе рефлексию высокого уровня и требует от читателя определенной профессиональной подготовки. Действительно, "Приглашение" рассчитано скорее на узнавание теми, кто уже посвящен в социологию, чем на приобщение к социологии непосвященных. И все-таки книгу можно назвать учебником в более глубоком (и забытом) смысле слова, поскольку она формирует достаточно полное представление о предмете и задает ценностно-мировоззренческие ориентиры как исследователю, так и "каждому, кто действует в обществе". Один из таких ориентиров выражен в максиме, которая определяет логику рассуждений автора: истинный профессионализм предполагает не полную осведомленность в своей области, а осознание собственных границ. Бергер последовательно осуществляет "ограничивание" социологии как профессии, как образа жизни ("времяпрепровождения"), как специфического ракурса интеллектуального постижения действительности, как особой предметности и способов ее освоения, наконец, как мировоззрения.

Этот принцип реализуется уже в первой главе, где речь идет о профессиональной и институциональной сторонах дисциплины. Обсуждая устоявшееся представление о социологе как социальном работнике, Бергер предостерегает от смешения социальной работы как практики особого рода с наукой, главной задачей которой является, по мнению автора, "попытка понять". Социолога нельзя рассматривать и как полллстера, абсолютизируя роль статистических и прикладных методов, и как реформатора с претензией на полпредство от социальной евгеники, и как бесстрастного манипулятора. Такого рода ошибочные представления, по мнению автора, социокультурно обусловлены, причем эта обусловленность применима к социологии как научному сообществу в целом и выражается в характере финансирования, клановой структуре, иерархии престижности и т.п.

Три центральных главы книги посвящены концепции общества. Замысел автора — примирить две конкурирующие теоретические программы, представленные именами М.Вебера и Э.Дюркгейма и воплотившиеся, с одной стороны, в акционизме и субъективизме феноменологической социологии, с другой — в социологизме системно-функциональной парадигмы.

Вначале П.Бергер обращается к идее "жизненного мира", в частности, тезису, что человеческое поведение основано на самоопределении индивида. Человек живет в мире интериоризованных значений, его сознание всегда заполнено и структурировано. Определение и переопределение личности осуществляются в режиме "калейдоскопа переключений," когда в ситуации "здесь и сейчас" новое знание, раздвигающее горизонт опыта, подвергается упорядочению и сегментации, включается в рецептуру повседневной жизни. Индивид действует, исходя из собственного видения ситуации. Его волюнтаризм ограничивается социальной природой значений, и, в конечном счете, субъект не создает, а выбирает смыслы. В этой связи поведенческо-смысловая вариативность индивида может проявляться лишь в виде номинации с целью оправдания и интериоризации собственной обусловленности. Последнему, по мнению Бергера, способствуют механизмы ролевого поглощения (теория ролей), интернализации символических образцов (социология знания) и сравнения с значимыми другими (теория референтных групп). В итоге социальное реифицируется Бергером вполне в духе Э.Дюркгейма, выступая по отношению к индивиду в качестве внешней, детерминирующей его поведение силы.

В книге подробно описываются структура и действие этой силы в механизмах стратификации и контроля. Используя понятия класса, расы и института, Бергер выстраивает иерархию уровней социальной детерминации: от легальных форм с физическим насилием, морали, обычаев и нравов на социетальном и социальном уровнях до убеждения, насмешки, презрения и самоконтроля на уровне первичной группы. Тем самым действующий индивид в интерпретации М.Вебера естественным образом превращается в действующего индивида в трактовке Э.Дюркгейма, Т.Парсонса и Р.Мертон. Сопряжение двух, казалось бы, несовместимых подходов (акционистского и функционалистского) можно оценивать по-разному, однако постановка и обсуждение этого вопроса вполне соответствуют задачам и жанру книги.

Последние главы "Приглашения в социологию" касаются "гуманистической перспективы". В них Бергер предпринимает попытку философского осмысления человеческой свободы. Делает он это все в том же модусе разграничения. Отмечая вслед за Вебером, что наука не может решить "вечные вопросы," автор рассматривает детерминированность поведения личности социальными структурами и институтами. Постулируя реальность свободы, Бергер считает, что детерминированность человека обществом не может быть тотальной. Необходимость конвенциональных значений для общества и индивида свидетельствует о некотором "люфте" между необходимостью и возможностью. В этом смысле индивид все же имеет право выбора, потенциальную, по выражению Бергера, возможность маргинального существования. Выбор реализуется, по мнению автора, в следующих механизмах: харизме (как индивидуальное отклонение, имеющее социальные последствия), отстранении (эскапизм), манипулировании (адаптация системы к своим интересам), ролевой дистанции (притворная игра), экстазе (циничная игра и преодоление обусловленности).

Автор сравнивает общество с театром, где с той или иной частотой и интенсивностью осуществляется "актерская свобода в эпизодах". Ей противостоит несвобода как отказ от выбора путем идентификации с метафизически понимаемой необходимостью ("я выполнял приказ"), как бегство от собственной аутентичности. Примечательно, что в данном случае Бергер отказывается от привычной стратегии согласия и противопоставляет веберовскую концепцию, допускающую свободу выбора, дюркгеймовской апологии обусловленности.

Такую трактовку свободы можно считать мировоззренчески привлекательной. Однако ее теоретическая обоснованность оставляет желать лучшего. Ведь любой акт свободы как выход за пределы собственной обусловленности можно рассматривать (согласно правилу самого автора всегда усматривать второй — социальный — план) как иллюзию самооправдания, а его (акта свободы) последствия могут иметь обратный результат.

Дюркгейм тоже имел в виду возможность и даже необходимость маргинального существования, правда, не для индивида, а для общества в целом. Маргиналы, согласно функционалистской трактовке, необходимы социуму, во-первых, как инноваторы (фактор преодоления стагнации), во-вторых, как носители негативного примера (фактор солидаризации "правильных" членов общества). Но в таком случае свобода выступает функцией системы, а значит, превращается в собственную противоположность, то есть "бунтарь" становится не альтернативой системе, а таким же ее винтиком, как и "конформист".

Думается, что это противоречие вытекает из невозможности решить проблему свободы в рамках социологического знания. Свобода принадлежит скорее предметной области философской антропологии и социальной философии, что, собственно, и постулирует сам автор.

В последних главах книги Бергер предпринимает интересную попытку обосновать принцип объективности (изначально вызывающий ассоциацию с позитивизмом) как залог гуманизации социологической науки. В понятие объективности он включает прежде всего "знание правил игры", дающее возможность подвергнуть рефлексии и сбросить собственные, если так можно выразиться, ролевые доспехи.

Вместе с тем социолог, который следует парадоксальной, на первый взгляд, формуле одновременной обусловленности человеком — общества и обществом — человека, изначально скептически относится к дефинициям и, деонтологизируя их, разрушает механизмы самоотождествления.

Утрачивая посредством этого собственные и всеобщие иллюзии, человек может способствовать гуманизации своей науки. Объективность, по Бергеру, антисциентична, ибо предполагает сочетание иронии с состраданием, а заинтересованности — с

бесстрастностью.

Популярность "Приглашения в социологию" объясняется не только содержанием, но и стилем авторской речи: сюжетной связностью, прозрачностью идей, обилием остроумных примеров (иногда даже кажется, что автора "слишком много"). Заслуга переводчика в том, что стилистические достоинства сохранены в русском переводе.

Наряду с книгой "Социальное конструирование реальности", написанной Бергером в соавторстве с Т.Лукманом и вышедшей на русском языке в 1995 году, "Приглашение в социологию" будет активно использоваться в преподавании социологии.

Н.В.ПОПРАВКО,

кандидат философских наук, Томский государственный университет